

Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 49–54.

Humanitarian Researches. 2022;1(81):49–54.

Научная статья

УДК 81'25

doi: 10.54398/1818-4936_2022_1_49

Специфические особенности авторского перевода

Гулиева Ирада Тофиг гызы

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан, irada.tofiq@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена одному из видов современного перевода – авто-переводу. Исследование процессов, происходящих на современном этапе в этой области, важно и актуально по той причине, что оно включает в себя ряд далеко не разрешённых проблем, связанных с воссозданием в азербайджанской драматургии метода и стиля, художественного мастерства в целом. Это такие проблемы, которые были и остаются основополагающими в процессе изучения искусства слова и литературного процесса. И вполне закономерно, что с ними вплотную сталкивались такие видные азербайджанские писатели-переводчики, как Н. Нариманов и Дж. Джаббарлы. Учитывая тематику и направленность настоящей статьи, в ней утверждается, что в лице названных драматургов авторской перевод явился тем трамплином, который помогает верно понять и оценить другие формы перевода, художественного в первую очередь. С этой точки зрения данная статья может внести некоторый вклад как в развитие и совершенствование литературоведческого анализа переводного произведения, так и послужит дальнейшему обогащению теории и практики перевода вообще.

В статье перечислены и вкратце проанализированы наиболее характерные и до сих пор являющиеся популярными, нуждающиеся в дальнейших научных исследованиях приёмы авто-перевода. Материалом послужила драматургия Н. Нариманова и Дж. Джаббарлы, которые писали на родном азербайджанском языке и вскоре после публикации переводили их на русский. Обнаружены общие точки соприкосновения: поиск необходимых слов, замена лексем на синонимы, подходящие по смыслу и максимально облегчённые для восприятия русскоязычным читателем. Роднит двух писателей также интерес к разговорной лексике.

Ключевые слова: переводоведение, авторский перевод, национальные реалии, азербайджанская литература, передача речевых высказываний

Для цитирования: Гулиева Ирада Тофиг гызы. Специфические особенности авторского перевода // Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 49–54. http://dx.doi.org/10.54398/1818-4936_2022_1_49.

Original article

Specific features of the author's translation

Irada Tofiq gyzy Guliyeva

Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan, irada.tofiq@gmail.com

Abstract. The presented article is devoted to one of the types of modern translation – auto-translation. The study of the processes taking place at the present stage in this area is important and relevant for the reason that it includes a number of far from solved problems related to the reconstruction of the method and style, artistic skill in general in Azerbaijani drama. These are the problems that have been and remain fundamental in the process of studying the art of speech and the literary process.

And it is quite natural that such prominent Azerbaijani writers and translators as N. Narimanov and J. Jabbarly. Taking into account the subject and focus of this article, it is argued that in the person of these playwrights, the author's translation was the springboard that helps to correctly understand and evaluate other forms of translation, artistic in the first place. From this point of view, this article can make some contribution both to the development and improvement of the literary analysis of the translated work, and will serve to further enrich the theory and practice of translation in general.

The article lists and briefly analyzes the most characteristic and still popular methods of auto-translation that need further scientific research. The material was the dramaturgy of N. Narimanov and J. Jabbarly, who wrote in their native Azerbaijani language and translated them into Russian shortly after publication. Common points of contact were found: the search for the necessary words, the replacement of lexemes with synonyms that are suitable in meaning and as easy as possible for the perception of the Russian-speaking reader. The two writers also share an interest in colloquial vocabulary.

Keywords: translation studies, author's translation, national realities, Azerbaijani literature, transmission of speech utterances

For citation: Guliyeva Irada Tofiq gyzy. Specific features of the author's translation. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;1(81):49–54. (In Russ). http://dx.doi.org/10.54398/1818-4936_2022_1_49.

Введение. Бывшая советская переводческая школа ещё в отдалённые 1960–1980-е годы получила мировое признание. Пожалуй, сложно назвать какое-либо произведение мировой классики различных жанров, которое не было бы переведено на русский язык и вскоре не стало достоянием широкого читателя в национальных республиках, в Азербайджане в том числе. И можно с уверенностью констатировать, что многочисленные вопросы теории и практики художественного, адекватного и иного рода переводов, их органической взаимосвязанности находились в центре пристального внимания профессиональных переводчиков, исследователей – лингвистов, историков и литературоведов. Многочисленные разработки русских учёных были взяты на вооружение также и лучшими азербайджанскими мастерами поэзии и прозы. Среди них специфической явилась проблема авторского перевода выдающихся классиков драматургии в начале XX столетия.

Характерно, что в теории русского переводоведения есть интересующий нас небольшой раздел об авторском переводе в монументальной книге «Искусство перевода» К. Чуковского. В дальнейшем определённый вклад в эту проблему отчасти внесли такие русские советские учёные, как И. Кашкин, А.А. Смирнов, Г. Гачечиладзе, В.Н. Комиссаров, В. Россельс, П. Топер, В.Н. Крупнов, Л. Озеров, М.Л. Лозинский, Л.С. Бархударов, А. Швейцер и т.д. Есть небольшие разработки и в трудах видных азербайджанских учёных. Это работы Р.М. Новрузова, Б. Набиева, Н. Агазаде, А. Ахундовой, Ш. Мирзоевой, В. Гаджиева и другие. На них мы тоже по необходимости будем опираться. Оно и понятно: примеры взяты из творчества двух вышеназванных драматургов-переводчиков. Но накопленный опыт всё же к началу третьего десятилетия XXI века объективно нуждается в обновлённом теоретическом осмыслении, творческом обобщении и систематизации принципов авторского перевода, выполненными мастерами национальной драматургии.

Поэтому приобретают особую актуальность детальное исследование качества таких переводов, равно как и выявление наиболее эффективных приёмов и методов переводческого труда. Считаем, что проблема авторского перевода, наряду с аналогичными формами работ, выполненных с первоисточника (подлинника) и другими видами, также является в наши дни одной из неотложных задач, связанных с требованиями общего литературного процесса, происходящего как в России, так и в Азербайджане. Раскрыть наиболее яркие и специфические особенности авторского перевода на материале названных азербайджанских писателей-драматургов – главная задача настоящей статьи. И в рамках этой небольшой работы, мы попытаемся обосновать поставленную задачу показом некоторых лингвистических приёмов, применяемых этими художниками слова в целях более точного воссоздания многочисленных реалий в составе инонационального материала.

Основная часть. На сегодняшний день авторский перевод драматургического текста с азербайджанского языка на русский с уверенностью можно считать перспективным и плодотворным направлением в республике. Этот вид перевода (в среде учёных его иногда ещё называют само-переводом) предоставляет благодатную возможность, с одной стороны, находить точные и верные решения тех специфических задач, которые непосредственно связаны с переводом (рифма, ритмика, интонация и иного рода реалий), с другой стороны, по необходимости совершенствовать образную систему и идейно-смысловое содержание произведения.

Последнее тем более существенно, потому что избранный нами для анализа аспект непосредственно связан с усовершенствованием драматургического текста. В процессе его наиболее корректной трансформации с одного языка на другой, то есть с обязательным учётом важных принципов художественного перевода, произведение обретает естественные особенности национального строя речи. На примере авто-переводов, выполненных Н. Наримановым и Дж. Джаббарлы вышеназванные азербайджанские учёные подмечали, что иногда относительно несложные для авторов национальные обороты приобретают черты стилистического полифонизма, так свойственного русской речи. Иными словами происходит своего рода искусственная «подгонка» национальных реалий под нормы и правила русской речи. К сожалению, иногда девиация может оказаться существенной, и тогда для русскоязычного читателя смысл отдельных фрагментов подлинника исказится. Правда, при этом отмечалось и обратное явление: оригинал, органично вобрав в себя ряд художественно-эстетических черт современной национальной драматургии, в переводе обретает новые характерные оттенки, понятные и доступные при правильном воспроизведении русскоязычному читателю.

На первом пути автора и переводчика собственных сочинений, безусловно, подстерегают ошибки. Известный учёный Г. Гачечиладзе по этому поводу прозорливо предупреждал о недочётах перевода со стороны автора, когда при внимательном чтении по существу уже нового творения заметна некоторая утрата национальных реалий. Это равносильно тому, что переводчик по сути дела «потерял своё лицо». А если переводчик теряет индивидуальность, очевидно, что он далеко отойдёт от главной цели. А ведь с современных позиций крайне важно осуществить поиск наиболее оптимальных переводческих решений, которые в первую очередь базируются на правильно избранной цели и на разных ступенях идейного содержания художественных произведений, синтаксиса и лексики конструируемых высказываний. Но основной специфической особенностью авторского перевода была и остаётся максимальная нацеленность на полноту и точность в процессе передачи речевых высказываний. И по этим качествам, между прочим, авторский

перевод как искусство ограничивается от простого пересказа текста, реферирования, аннотирования, написания всевозможных обзоров и т.д. Поэтому необходимо подчеркнуть, что полнота и точность изначально присущи целевой установке корректно построенной авторской переводческой деятельности.

Далее, теорию авторского перевода с переходом на её прикладные рельсы, на наш взгляд, некорректно представлять без учёта идеологических требований отдельных исторических эпох. Ниже мы обратимся к авторским переводам Н. Нариманова и Дж. Джаббарлы, живших в первой трети XX столетия, а ведь это, как показывают многочисленные тюркологи, востоковеды особый этап в деле реформирования азербайджанского языка и в развитии национальной драматургии соответственно.

На практике переводческого дела нередко выясняется, что процесс передачи национальной специфики с целью ясного, точного воспроизведения для инонационального читателя, оказывается трудоёмким. Известный в Азербайджане современный ученый-переводчик Р.М. Новрузов по этому поводу утверждает, что «авто-перевод почти всегда создаётся, отличным от других видов перевода. «Свое» и «чужое» в данном случае являют собой полярные полюса, но отнюдь не в их традиционном понимании и восприятии. А именно: у переводчика возникает страстное желание диктовать свою волю читателю, но подсознательно он понимает, что делать этого никак нельзя. Так что первоначальный замысел под рукой самого автора, как правило, разрушается и в ходе всей дальнейшей работы возникают такие непредвиденные трудности, которых и вовсе не было в процессе написания сочинения» [13, с. 120].

Действительно, диктат передающей и вполне естественные запросы принимающей сторон в борьбе своих противоречивых начал оказываются серьёзным препятствием для автора-переводчика. Следует также принимать в расчёт тот факт, что драматургия имеет свои специфические особенности. Драма, в отличие от поэзии и прозы, как известно, состоит из ряда (чаще всего пяти) актов и некоторого количества сцен. Каждая из частей, как правило, имеет законченный характер. Констатируем: каждый акт в драмах Н. Нариманова и Дж. Джаббарлы написана с тем расчётом, чтобы национальный читатель мог, образно выражаясь, поставить в каждом из них жирную точку. Но речь идёт о само-переводе, и авторская мысль должна быть выражена так ясно, чтобы точно такое же впечатление осталось и у русскоязычной аудитории. Авто-перевод отдельных эпизодов, разбросанных по сценам и актам, как правило, распределяется неравномерно. Законы драмы, целиком и полностью построенные на вопросно-ответных репликах, обязывают переводчика на крайне малом языковом пространстве ясно и чётко выразить свою мысль. Даже географические понятия, топонимика или антропонимика (кстати сказать, нередко встречающиеся в драмах Джаббарлы и Нариманова) надо передать от одной фразы сообщения – до относительно небольшого фрагмента текста.

Понятно, что прозаический текст значительно шире, следовательно, и возможностей у переводчиков для поиска эквивалента всевозможных компонентов значительно больше. Вместе с тем их поиск осложнён по иным меркам. А именно, вышеуказанное «идеальное» положение автора-переводчика не может быть удовлетворительно реализовано на практике без учёта всех имеющихся диалектических противоречий. Они нередко возникали из-за естественных для языков неродственных групп ситуаций. Скажем, повторение одних и тех же слов или выражений, которые в текстах азербайджанских драм выполняли исключительно усилительную функцию. Но в процессе авто-перевода писатели понимали, что это становилось тавтологичным, что крайне неприемлемо (если не сказать, безграмотно) в русском языке.

В целях преодоления такого рода противоречий Н. Нариманов и Дж. Джаббарлы часто прибегали к использованию приёма намеренной замены повторяющихся слов наиболее подходящими по драматургической фабуле, синонимами, яркими, как сами писатели их называли. Благо, современный русский язык располагает такими возможностями широко. Любопытно, что один из азербайджанских лингвистов, в том числе занимавшийся избранной нами проблемой, несколько пафосно, но по сути верно определил такой приём авто-перевода, как «прорыв» творца за грань тавтологии с помощью богатого разнообразия русских синонимов» [1, с. 8].

Важно подчеркнуть, что с помощью данного, в общем-то нехитрого приёма Н. Нариманов и Дж. Джаббарлы заботились не только об экспрессии стиля, но и сохранении в собственном переводе идейного содержания драмы. Кстати, это стало показательным примером и для других азербайджанских писателей-переводчиков последующих поколений. Причём, дальнейшая реализация этого приёма имела свои причины. Так, нередко случается, что с трудом всплывает в памяти какое-либо нужное и точное по контексту слово, определение и т.п. Что называется, «вертится на языке, но на ум не приходит». В то же время именно это слово может оказаться единственно адекватным. Порою оно встречается в тексте выше, потому-то во избежание тавтологии его не корректно повторять дважды. Эту психологическую трудность помогает преодолеть литературная кладовая, которая, быть может, при переводе художественных произведений другим переводчиком не претендует на предельно научную точность, но для самого автора служит основательным подспорьем. И тогда выручает чаще всего умелый подбор лексических синонимов, которые, по мнению автора, легче донести до читателей другой национальности.

То, что это живой и действенный приём, подтверждает, к примеру, видный русский учёный Н.М. Любимов. В широко известной статье «Перевод – искусство» он предлагает вниманию читателей словесную эквилибристику синонимического ряда множества однотипных глаголов действия. Только на одной странице он перечислил около двадцати таких глаголов [7, с. 146].

Н. Нариманов ещё задолго до выхода в свет статьи Н. Любимова также считал работу над отдельными лексемами очень нужной и ответственной. Так, в процессе перевода своей пьесы «Бахадур и Сола» он писал, как скрупулёзно шлифовал отдельные слова, в особенности те, которые обладали ярким, колоритным признаком, экспрессией. Н. Любимов словно в помощь переводчику привёл цепочку множества синонимичных глаголов. А Нариманов, к примеру, указывал «...на бесчисленное разнообразие оттенков женского взгляда» [11, с. 7–8]. И ещё в связи с отмеченным невольно вспоминается факт, как А. Макаренко («Педагогическая поэма») без хвастовства поведал своим коллегам о том, что фразу «Иди сюда» он может произносить в пятидесяти интонациях. В целом и общем заметим, что автор-переводчик не может не столкнуться с этими вопросами, причём, чаще всего необходимо передать эти слова или выражения на другой язык без изменения.

Далее, Н. Нариманов и Дж. Джаббарлы в процессе перевода своих произведений с большим мастерством и оригинальностью употребляют слова разных частей речи, которые являются яркими средствами для создания, как они утверждали, «потока эмоций» в речи литературных прототипов. Правильный подбор таких слов в переводе на русский язык, считали они, усиливают выразительность, а также преследуют различные семантические цели. Сложный труд в данном отношении взял на себя, к примеру, М.Б. Мамедов. В своей кандидатской диссертации на тему «Лексика и фразеология прозаических произведений Н. Нариманова» он подсчитал, что в небольших по объёму пьесах автор употребил свыше 230 синонимических рядов.

Исследователь пытается выяснить, с какой целью тщательно подбирает синонимы? По мнению Мамедова, «драматургом-переводчиком главный упор делается на смежных синонимах, первая часть которых состоит из лексической единицы, вторая – из фразеологического сочетания» [8, с. 68]. Это позволяет Н. Нариманову разнообразить речь, делая её более выразительной и эмоциональной. Исследователь А. Демирчизадзе называет такой способ использования синонимов (повторный, или смежный) способом действенного повторения. Он показывает, что к этому способу часто прибегал Дж. Джаббарлы, «чтобы избежать тавтологии и придать своим пьесам комический эффект, как и первоначально и было задумано автором» [3, с. 88–89]. Нам важно подчеркнуть, что подобные приёмы при переводе самими писателями облегчали задачу их восприятия русскоязычным читателем.

Ещё одна примечательная для азербайджанской драматургии проблема связана с качественным воспроизведением в авто-переводе Н. Наримановым и Дж. Джаббарлы речи определённых представителей тогдашних сословий, а при необходимости также инонациональной знати и других высоких слоёв населения. Оказывается, каждый из героев их драм в зависимости от профессии или социального статуса в обществе имел свои индивидуальные языковые пристрастия. Прежде чем перевести свои драмы на русский язык, писатели жили некоторое время среди соответствующих слоёв населения. Р.А. Исмаилов в своей кандидатской диссертации предположил, что «азербайджанские драматурги при авто-переводе старались учитывать их запросы, которые, оказываются, некоторым образом проявлялись и в языке, в частности, в местных диалектах» [6, с. 11–12]. С этим высказыванием мы солидарны: наши собственные наблюдения также привели к выводу, что Н. Нариманов и Дж. Джаббарлы по следам собственных переводов в своих критических выступлениях указывали на необходимость учёта языковых реалий в разных диалектах и предлагали использовать в авто-переводах такой метод: передача национальных реалий способом *не сажать себя на голодную языковую диету*. В противном случае, считали они, в процессе авто-перевода с передачей большого языкового богатства автору не справиться.

Очень интересная, актуальная и поучительная даже в наши дни дискуссия развернулась в прессе Азербайджана по вопросу вкрапления иноязычной лексики. В дебаты активно включились и названные писатели. Характерно, что в литературном споре ярко проявились две точки зрения. С одной стороны, речь шла о защите родного языка и культурных ценностей соответственно. С другой – нашла отражение тенденция её использования в ограниченном количестве, причём, исключительно в лексико-семантических целях.

Вот как к этой острой и насущной проблеме конкретно отнеслись классики. В статье «Сегодня», написанной по случаю созыва 15 августа 1906 года в Баку съезда учителей Кавказских мусульман, Н. Нариманов выдвигает требование свободы для развития национальных особенностей и сохранения своей культуры. Своё кредо он подтверждал следующими восторженными словами: «Родной язык! Какое теплое, какое величавое слово, возбуждающее превосходные чувства! Какая почетная, священная, великолепная сила!...» [12, с. 2]. Но это, как видим, одна сторона медали. Мы обнаружили, что к данному вопросу Н. Нариманов вернулся в фельетоне под названием «Беседа в пятницу». В нём уже ребром ставился вопрос о частотности внедрения иностранных слов первоначально в азербайджанский, а затем и русский язык. В фельетоне писатель бойкотирует тех, кто в процессе перевода как своих собственных сочинений, так и произведений других азербайджанских писателей по существу дела портит национальный язык, засоряя его «иностранинкой». Несколько перегибая палку, он пишет о «предательстве со стороны писателей, жаждущих ненужных «украшении» [10, с. 2] и подвергает подобные взгляды уничтожающей критике.

Предвидим нарекания. С высоты современного развития теории русского языкознания и переводоведения такая тенденция, возможно, окажется если не опасной, то, по крайней мере, опрометчивой. Но заметим, что Н. Нариманов прежде всего подвергал уничтожающей критике

именно тех «горе-писателей», которые в процессе авто-перевода без особой для того надобности употребляли в своих сочинениях арабские и персидские слова. В подтверждение своей версии Н. Нариманов указывал, что в ходе собственного перевода пьес «Пир» и «Багадур и Сона» на русский язык он лишь при необходимости обращался к арабско-персидской лексике. При этом подчёркивал, что рассматривал такую иноязычную лексику только как дополнительное подспорье к идейному содержанию своих пьес, важное средство полного и всестороннего раскрытия внутреннего мира героев, индивидуальных особенностей и мировоззрения создаваемых им художественных образов. В сущности, это вынужденное использование только той части арабско-персидской лексики в процессе авто-перевода, которая была связана с темой произведения (в основном, «Пир»). Культуры очень разные и потому найти грань перехода одних слов в другие подчас вызывает большие сложности. Писатель, который сам переводит своё творение, в известной степени испытывает дополнительную нагрузку этико-нравственного характера. От этого, конечно же, освобождён сторонний специалист.

Известный русский учёный-лингвист Л.А. Булаховский во избежание осложнений предлагал «делать замены инонациональных реалий только в крайних случаях, когда иного пути переводчик просто не видит» [2, с. 111–112]. Так, собственно, поступал и Н. Нариманов. Замены отдельных лексем он проводил только тогда, когда это было легко для восприятия русским читателем. Скажем, большинство арабско-персидских слов в названных драматургических сочинениях Н. Нариманова, как правило, не представляло трудностей даже для малограмотного слоя азербайджанского населения, потому что они были заимствованы через разговорный язык и укоренились в языковой среде.

В этом отношении с ним полностью был солидарен и Дж. Джаббарлы. По вышеизложенным понятиям, он различений в указанных нормах и правилах тоже не увидел. И потому в авто-переводе своих пьес «Алмаз» и «Севиль» драматург, как и Н. Нариманов приоритет ясно отдавал народно-разговорной лексике, в противовес иноязычной. Скажем больше того, литературный язык для Дж. Джаббарлы однозначно был языком народа, следовательно, по его убеждению, и писать нужно тем же языком, на котором говорит народ».

Соратник и единомышленник Н. Нариманова, он писал, что в авто-переводах использовал народно-разговорную лексику, «во-первых, для обогащения стилистики литературного языка из самой сокровищницы народно-разговорной речи. Во-вторых, в целях более живой и индивидуализированной передачи речи действующих лиц. В-третьих, по причине большей доступности своих произведений родному народу» [4].

Заключение. Итак, немного общих точек соприкосновения в теории авто-переводов Н. Нариманова и Дж. Джаббарлы. Мы сознательно оставляем за рамками статьи их дружбу, сотрудничество, богатое идейно-художественное содержание драм. Понятно, что это тема отдельного научного исследования. Но прежде всего их объединяют общие подходы к авто-переводу: необходимые замены сложных слов более удобными для восприятия синонимами, поиск нужных лексем в целях воссоздания на русском языке яркого колорита ситуации или в поведении литературных героев. Кроме того, их роднит пристрастие к народной лексике. Думается, что перенимая эти и некоторые другие характерологические принципы авто-переводов, у современных переводчиков есть все возможности для творческого воспроизведения инонациональных реалий и колорита, а также широкие перспективы в будущем.

Список источников

1. Аббасов Н.Б. Приёмы расширения активного словарного запаса студентов // Материалы Международной научно-практической конференции. Баку : Бакинский славянский университет. 2017. С. 7–8.
2. Булаховский Л.А. Введение в языкознание : в 2 томах. Москва : Учпедгиз, 1953. Т. 2. 346 с.
3. Дамирчизаде А. Стилистика азербайджанского языка. Баку : Азернешр, 1962. 241 с.
4. Федаи С. Джафар Джаббарлы и азербайджанская школа перевода. Государственный центр перевода Азербайджана. URL: <https://www.aztc.gov.az/ru/posts/id:853>.
5. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. Москва : Наука, 1980. 232 с.
6. Исмаилов Р.А. Двуязычие в современной азербайджанской прозе и проблемы художественного перевода: авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1988. 26 с.
7. Любимов Н.М. Перевод – искусство // Перевод средство взаимного сближения народов. Художественная публицистика. Москва : Прогресс, 1987. С. 142–149.
8. Мамедов М.Б. Лексика и фразеология прозаических произведений Н. Нариманова: дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1989, 145 с.
9. Нариманов Н. Бахадур и Сона. Драма. Баку : Гянджлик, 1985. 283 с.
10. Нариманов Н. Беседа в пятницу // Газета «Иршад». 1906, 7 апреля. № 84. С. 2–3.
11. Нариманов Н. Избранные произведения. Комментарии. Баку : Язычы, 1989. 369 с.
12. Нариманов Н. Обращение к съезду учителей Кавказских мусульман // Газета «Жизнь». 1906, 15 августа. № 181. С. 1–2.
13. Новрузов Р.М. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку : Элм, 1990. 342 с.

References

1. Abbasov N.B. Priyomy rasshireniya aktivnogo slovarnogo zapasa studentov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Baku : Bakinskij slavyanskij universitet. 2017:7–8.
2. Bulaxovskij L.A. Vvedenie v yazykoznanie: v 2-x tomax. Moscow, Uchpedgiz. 1953;(2):346.
3. Damirchizade A. Stilistika azerbajdzhanskogo yazyka. Baku, Azerneshr. 1962:241.
4. Fedai S. Dzhafar Dzhabbarly i azerbajdzhanskaya shkola perevoda. Gosudarstvennyj centr perevoda Azerbajdzhana. URL: <https://www.aztc.gov.az/ru/posts/id:853>, svobodnyj.
5. Gachechiladze G. Xudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvyazi. Moscow, Nauka. 1980:232.
6. Ismajlov R.A. Dvuyazychie v sovremennoj azerbajdzhanskoy proze i problemy` xudozhestvennogo perevoda: avtoreref. dis. ... kand. filol. nauk. Baku. 1988:26.
7. Lyubimov N.M. Perevod – iskusstvo. Perevod sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov. Xudozhestvennaya publicistika. Moscow, Progress. 1987:142–149.
8. Mamedov M.B. Leksika i frazeologiya prozaicheskix proizvedenij N. Narimanova: biss. ... kand. filol. nauk. Baku. 1989:145.
9. Narimanov N. Baxadur i Sona. Drama. Baku : Gyandzhlik. 1985:283.
10. Narimanov N. Beseda v pyatniczu. Gazeta «Irshad». 7 aprelya 1906;(84):2–3.
11. Narimanov N. Izbrannye proizvedeniya. Kommentarii. Baku : Yazychy. 1989:369.
12. Narimanov N. Obrashhenie k sjezdu uchitelej Kavkazskix musulman. Gazeta «Zhizn». 15 avgusta 1906;(181):1–2.
13. Novruzov R.M. Xudozhestvennyj perevod i problema vzaimodejstviya, vzaimoobogashheniya literatur. Baku : Elm. 1990:342.

Информация об авторе

Гулиева Ирада Тофиг гызы – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Irada Tofig gyzy Guliyeva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.11.2021; одобрена после рецензирования 20.12.2021; принята к публикации 28.12.2021.

The article was submitted 13.11.2021; approved after reviewing 20.12.2021; accepted for publication 28.12.2021.